

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог..... 5

ЧАСТЬ I · Кошмары с Полуострова

Глава 1 13

Глава 2 35

Глава 3 70

Глава 4 98

Глава 5 121

ЧАСТЬ II · Время костров и жертв

Глава 1 155

Глава 2 177

Глава 3 196

Глава 4 222

ЧАСТЬ III · Три таинства Духов

Глава 1 243

Глава 2 272

Глава 3 295

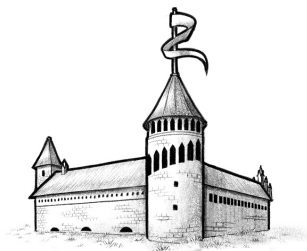
Глава 4 319

ЧАСТЬ IV · Два друга, две подруги

Глава 1	347
Глава 2	364
Глава 3	382
Глава 4	402

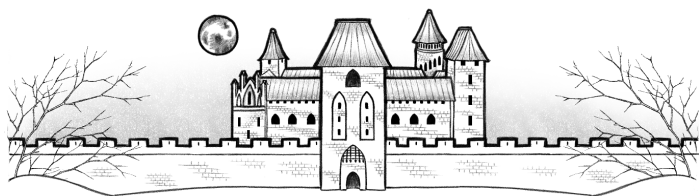
ЧАСТЬ V · Туманы края лип

Глава 1	435
Глава 2	452
Глава 3	481
Глава 4	496
Глава 5	516
Глава 6	529
Глава 7	556
Глава 8	574

ЛАНГЕЛАУ

ПРОЛОГ

«Сиди тихо и жди утра!»

В мягких вечерних сумерках разошелся ветер: свистел, шипел и завывал, увивался вокруг труб и разгонял над ними дымок, швырял по дворам сор.

Осень в этот год выдалась славная, солнечная. Она с первых дней золотила листву, перекрашивала ее из цветов Дома Мойт Вербойн в цвета Дома Сорс Геррейн. Вода в реках стояла теплая-теплая, отражающая ясное небо с кипенной белизной облаков; в воздухе веяло вызревшим урожаем, нежностью прелой листвы и прокрадывающейся с утренними туманами сыростью. Благодать.

Братья Ордена ценили эту благодать.

Она не пахла войной и чумой, выгнавшей их с запада. После шести лет боев Духи решили завершить дело не руками слуг своих, но мором. Болезнь пришла с моря, с кораблями, на белых и вороных конях понеслась по земле, обнимая черными костлявыми пальцами город за городом, замок за замком. И братьям велели отступить.

Но в их глазах и сердцах память о павших в бою тесно сплелась с памятью о красных лицах с наливыми кровью глазами и черными распухшими язы-

ками, о бубонах и карбункулах, уродующих тела, о стогах и воплях, о тяжелом, отупляющем запахе, полном невыразимой мерзости.

Гёрлаху в память врезался Лесла́у. На улицах захваченного города тела больных лежали вповалку — братьям велено было не прикасаться к ним. Среди прочих была едва живая женщина, изуродованная черными пятнами болезни, — закатившая глаза, глухо скулящая, она едва покачивала головой, пока на ее раскрытой груди копошился младенец, пытался среди карбункулов отыскать сосок.

Йóран никак не мог забыть деревеньку при маленьком замке в пойме безымянной речушки. Ересь до того разъела души селян, что чумные кидались на рыцарей Ордена, когда те шли на штурм, — и потоки вонючей черной крови окрашивали зеленое пламя на орденских плащах в бурый.

Каждый унес с Ильбóйского полуострова свой кошмар.

Но здесь, в Парвенáу, эти кошмары отступали. Чем дальше братья отходили вглубь страны, тем меньше встречалось чумных деревень, городов и замков с белыми тряпицами на околицах, тем больше запахи крови и болезни вытеснялись ароматами усыпанных плодами садов, земли на убранных полях и опадающего золота листьев, тем ярче и благообразнее становился пейзаж. Парвенáу — недаром «край земледельцев» с древнего.

Братья шли маленькой группой. Обходили города, не переступали ворот орденских замков, оставаясь под стенами, с опаской поглядывали на деревни — кто его знает, сами заразные или на месте подцепят. Но путь был долгий, отошли достаточно далеко, и из десятки никто до сих пор не слег.

Одни говорили, что, если за пару дней не свалило, Духи миловали; другие — что болезнь прячется и выжидает. Поди разбери, кто прав. Чумные девы коварны.

В Мутную Пашню завернули с удовольствием: милос дело — выкупаться не в реке, а в банке, поест со стола, поспать на лавке. Деревенька пусть и маленькая, да орденский плащ с зеленым пламенем везде знают. А Духов гневить дурака не найдешь — попробовал бы кто их верным слугам отказать.

И братья ели, пили и отдыхали три дня и три ночи, но время праздности миновало, и пришел час верной службы.

«Сиди тихо и жди утра!»

Мужчин резали первыми, пока за вилы или старую дубину кто не взялся: — отвоевав шесть лет среди чумы, пасть по пути домой было бы жалко.

Добрая сталь, закаленная кровью неверных, рязила споро.

Шультхайс¹ все тряс орденской буллой² — нам-де разрешили. Но что братьям его писулька? Приказано сечь и жечь всех, чтобы не пустить чуму дальше, и что же они — сберегут неблагодарных сретиков? Орден в милости своей даровал им право жить и творить свои мерзкие ритуалы, покуда те не вредны, но как настало время отплатить Духам защитой

---

¹ Шультхайс (также шультгейс) — здесь: староста деревни.

² Булла — распространенный в Средние века тип документа; издавались различными правителями, в т. ч. Верховным Магистром.

их верных слуг, так вместо покорной признательности они принялись покрывать себя позором малодушия. Потому ересь достойна была порицания, потому нет и не будет пощады еретикам.

«Сиди, покуда ночь не истечет».

Женщин с детьми согнали в амбар. Они сбились в кучу, рыдали и молили; их стоны слились с воем ветра в щелях.

Братья условились наперед: отберут десятерых. Присмотрели молодых, крепких и симпатичных, выволокли из общей толпы, передали Йёпрему — он их вывел на улицу и подальше отвел, чтобы свист ветра похоронил крики остальных в саване сумерек.

И четверти часа не минуло, как двое рыцарей и семеро серых плащей¹ вернулись из амбара к Йёпрему, разобрали по девке и разошлись каждый в свою избу. Ветер снова скрыл крики, а полутемные, отныне бесхозные комнаты спрятали срам.

Братья встретились у околицы, свята себе наскоро сделанными из женских юбок факелами. Хёнрих поддергивал нидерветы² — завязал слабо, а под кольчугой теперь не поправить. Ливен мрачно потирал свежие царапины на щеке и не впервые сломанный и вправленный нос — под ним запеклась размазанная кровь.

— Ну что, поджигаем? — спросил Йоран.

---

¹ *Серые плащи* — члены ордена нерыцарского происхождения, несущие военную службу.

² *Нидервёты* — немецкое название нательных мужских портов на завязках.

Герлах неприязненно взглянул наверх, передернул плечами.

— Утром. Ветер разошелся, а ну как займется поля или лес. Да и переночуем под крышей.

— А если вершниг какой или кáсны сбегутся? Спалим все к Духам!

— Какой тебе вершниг, тела не остыли даже. До третьего дня Духи их берегут.

— Они праведные тела берегут, а этих-то... — Ливен сплюнул.

— И этих. Духи милостивы к верным и не пошлют нам лишних забот с этими тварями.

— Решайте быстрее, жрать охота.

— И не говори. Из печей еще дым пахнет, бабы ж на вечер уж успели наготовить.

— Ну и пошли жрать. И утром пожрем. А потом запалим и пойдем. Милое дело, никаких тебе походных безвкусных подошв.

— Зажрался ты, Йеспрем. Тебе в ремтере¹ знаешь что на такое скажут?

— Иди ты. Мы не в ремтере. Жри, пока есть что.

Ветер свистел, шипел и завывал, увивался вокруг труб и разгонял над ними дымок, швырял по дворам листву. Опустилась глухая ночь, в какой растворились поля, сады, лес и небольшая деревенька. На западе продолжала тянуть к людям костлявые руки смерть, по селам и весям бродили чумные девы йерсúнии, вымирали города и замки. На востоке тихо спал зеленокаменный Лиéсс, город исто-

---

¹ *Рёмтер* — общее помещение, выполняющее функции столовой и гостиной в религиозных общинах (монастырях, рыцарских орденах).

вой веры и Лунного Огня, не тревожимый никаким ненастьем. Мир замер и замолк.

«Сиди тихо и жди утра! Сиди, покуда ночь не истечет, покуда не займется новый день».

И девочка сидела.

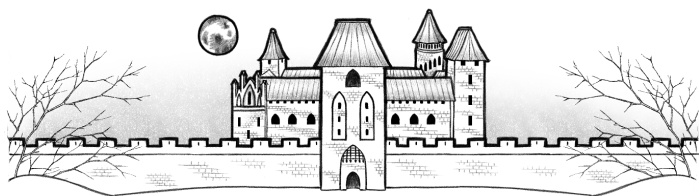
А в темноте затихала возня устроившихся на ночлег рыцарей.

ЧАСТЬ I
Кошмары
с Полуострова

Седьмой год с начала войны на Ильбойском полуострове

ГЛАВА 1

Йотван остервенело чесал бороду. За время в пути она сильно отросла, да и зудела теперь втрое хуже прежнего. Вши заедали.

Лес золотился под осенним солнцем. Латунными монетками переливались листики берез, яркие и нарядные против стволов; желтела ива вдоль реки; вязы и вовсе оголились, пики ветвей пронзали массив леса. Только три ели вызывающе темнели и не склоняли голов перед сменой времен года. Над ними расстелилось небо, совсем светлое: «Лиесский синий» — так оттенок звался. Низко ползли комки белесых облаков, по низу темных, грязно-серых, — такие только осенью увидишь. Дождь из них не прольется, но, взглянув, поймешь, что воздух напитался влагой и что в него пришла острая нотка подступающей прохлады, пока почти что незаметная в мягком тепле.

Отдых для глаз — Йотвану не хватало вот таких пейзажей. Ильбойский полуостров не давал времени любоваться, да и не пощадила шестилетняя война красот природы. Что кровь не залила, то сжег огонь, а остальное пожрала чума.

Но здесь солнце светило ласково, а ветер гладил — не стегал. Даже дышалось упоительно.

Йотван откинул орденский плащ — пропылился он, из черного стал бурым; зеленый огонь от подола до плеча и вовсе цвет утратил. Снял бы, да не положено — только и остается, что назад отбросить и подставить руки ветерку.

Из-за ствола смотрела девочка. В спутанных волосах — сплошной сор, вся чумазая, одежда — дрянь. Она топталась голыми ногами по траве — та еще сохранила зелень, но уже не летнюю, а жухловатую, осеннюю.

Взгляд — будто у пугливого зверька.

Йотван готов был клясться, что совсем недавно никого тут не было, — аж вздрогнул. А вдумавшись, только сильнее удивился — и не должно быть никого: ни городов, ни замков здесь — безлюдная округа. Только раскиданы небрежно деревеньки — будто на карту кто крупу просыпал. Однако по пути он не увидел ни садов, ни поля — что за село без них?

Но девочка стояла и тарасилась огромными запавшими глазами. Возле рта заеды растрескались, губы обветрило до белых пленок. Мерзкий вид.

Йотван остановился. Сам не заметил, как рука меча коснулась: уж мало ли какая погань по округе шляется. Дурные здесь места. Дурные, хоть красивые. Граница между Полуостровом и Парвенау — здесь много лет спокойно не бывало. Чуть только ересь поползла по западу — так началось. И каждая вторая деревенька с буллой: какую только чушь ни напридумывали, ну да покуда безобидную, Орден прощал — не до того.

Теперь же сюда добиралась и чума.

Приказ до Йотвана дошел: деревни жечь, заразу дальше не пускать, еретикам и с буллами пощады не давать. Видел он и столбы темного дыма в небе

и потому отлично знал: нечего тут девчонке делать. Болезнь и смерть шли по округе под руку.

И все-таки она стояла и смотрела. Стоял и он. Пальцы — на хорошо знакомой рукояти.

Ветер пошевелил листву, болтливую и шумную; россыпь листков сорвалась вниз и прихотливо заплясала на лету.

— Ты кто такая будешь? — спросил Йотван, перекрикивая шелест. — И откуда?

Переступили по траве босые пятки.

— А вы? Из Ордена?

Голос у девки оказался слабый, будто бы надломленный — за ветром слов почти не разобрать. Йотван не отвечал — только поддернул плащ, чтоб показалось пламя. Она посмотрела исподлобья, сжала губенки, трещинами взрытые. Собралась с духом.

— Возьмите меня в Орден! — крикнула она.

Ногти впивались в дерево.

— Зачем?

Лицо у девки сделалось еще серьезнее, она зашарила на поясе и вытащила перстень: в маленьких детских пальцах — здоровенный. Лунное серебро свилось вокруг крупного камня; грани блстели, солнце отразили Йотвану в глаза.

Он все же рассмотрел зеленый верделит — то Мойт Вербойнов камень. Род только не сумел понять — уж больно далеко, но и так ясно — из еретиков. Верные уходили с Орденом.

— Чья будешь? — спросил Йотван.

Девка не отвечала — только перстень сжала, губы стиснула и опустила взгляд. Все это за нее сказало: чья будет — тех уж нет.

— Откуда?

Глаза она не подняла, лишь головой мотнула. Йотван понял. Стоял, разглядывал девчонку, а лес ронял листву — одна позолочённая монетка зацепилась в ее темных волосах.

— Что делать-то с тобой? — Он снова заскреб бороду.

— Возьмите в Орден, — повторила девка тихо.

Йотван задумался. Пальцами по мечу едва заметно перебрал.

Велено было жечь границу с Полуостровом и никого не выпускать, в живых не оставлять; всех в одну кучу — и в огонь. Но то селян. С этой-то что? По правилам — в ближайший Орденский приют, и пусть ее там учат, ересь выжигают, к делу приспособливают... Из мелких выходил толк, эти-то податливые, взрослым не в пример.

Только то было в годы мирные — а нынче, посреди войны? Когда еретики какую только дрянь не вытворяют и на какую только подлость не идут? Поди пойми, что с той девчонкой: больная ли, науськанная ли... девчонка ли вообще или какая тварь?

Думал он и про то, что девка эта, если правда Мойт Вербойн, еще сумеет пригодиться в качестве заложницы.

Думал про то, что сможет натворить хитрая тварь в орденском замке.

— Лет сколько?

Она подняла огромные глаза — что блюдца с осенью вокруг донца-зрачка. Красивой будет девка, когда вырастет. И если.

— Полудюжина.

Йотван кивнул: что полудюжина — это неплохо. Духи учили: дети до семи — что чистые листы,

чем их заполнишь, тем и станут, а потому их всех — сирых, убогих и пришедших из любой дыры, хоть бы еретиков, — брали в приюты и учили. Все одно: толк выйдет.

— Ладно, иди сюда.

Пальцы на рукояти меча сжались крепко, плечи напряглись. Девчонка не спешила, будто чувствовала, — всего-то шажок в сторону от дерева, взгляд пристальный. Следом еще шажок.

Умная девочка. Или тварь хитрая и осторожная.

Йотван внимательно следил, ждал и не шевелился, хотя борода и зачесалась снова. Он терпел. Гадал, что, если не девчонка. Небось не вершник, отыскивавший свежий труп, — под грязью, может, не понять, насколько помертвела кожа, но глазищи ясные. Для вѣштицы уж больно мелкая... Может, чумная дева?

Йотван сам их не видел — Духи миловали, — но слышал, что йерсинии — девки молоденькие. Небось и вот настолько юные бывают.

Девчонка приближалась медленно, опасливо. Йотван ей улыбнулся — морщинки вокруг глаз да складки возле носа взбороздили загоревшую за лето морду. «Поближе, — думал он, — поближе подходи... Еще...»

Плечо тянул мешок с броней — и Йотван знал, что слишком уж рискует, подпуская без нее невесть кого, но не боялся. Небось не сдохнет с одного удара, раз уж за столько лет в боях не удосужился, а там управится: тощую девку-то перешибить — дело нехитрое. Вместе тут и помрут. Одна — за то, что к брату орденскому лезет, второй... ему, по совести, давно пора.

Девчонка наконец-то оказалась на длине удара. Рука сильнее сжала рукоять, глаза из вязи трещи-

